

Н. Харламов

О книге Э. Амина и Н. Трифта “Города: переосмысливая городское”*

Многочисленные изменения, которые происходят в тканях общества, приводят к тому, что старые концепции и подходы к социальной реальности требуют пересмотра. Существующие же системы понятий и подходов переживают кризис, который можно назвать *позитивным*, так как он приводит к активному переосмыслению реальности и познавательного аппарата и к формированию новых подходов и концепций. В кризисе находятся многие области социальной науки. Одной из таких областей являются *исследования города*. Традиционные дисциплинарные членения, существовавшие здесь, – на городскую географию, социологию города, психологию городской жизни, архитектуру и планирование и другие – ставятся под сомнение, и вместо них формируется подход к городу, который можно назвать *объектным*, то есть предполагающим примат объекта и проблем над дисциплинарными, предметными, методологическими и методическими границами. Одним из следствий такого кризиса границ становится то, что социология города в последние 15 лет оказалась под серьезнейшим

влиянием *географии*. Множество работ, которые обращаются по сути к социологической проблематике, пишутся географами (например, лос-анжелесская школа исследований города в значительной мере представлена географами – такими, как Эдвард Соха [Edward Soja] – и специалистами по городскому планированию).

В настоящей рецензии¹ мы обращаемся к работе британских географов Эша Амина [Ash Amin] и Найджела Трифта [Nigel Thrift] “Города: переосмысливая городское”, вышедшей в 2002 году на английском языке². Вначале будет кратко изложена основная идея книги и то, как она развивается в ее главах, а затем предложены некоторые критические суждения.

Амин и Трифт видят своей задачей внесение некоторого вклада в новое знание о “городском”, которое формируется в последние годы. *Новый урбанизм*, как его можно назвать, характеризуется вниманием к городам как к сложным, обладающим различными формами и наполненным различным содержанием сущностям, которые включены в многочисленные сети взаимосвязей и включают в себя такие сети.

* Amin A. and Thrift N. 2002. *Cities: Reimagining the Urban*. Cambridge: Polity. ISBN 0-745-624146. vii+184 pp.

¹ Данный текст частично опирается на рецензию М. Севиджа (Savage M. 2003. Review of *Cities: Reimagining the Urban* by A. Amin and N. Thrift. *Sociology*, Vol. 37. No. 4).

² Первая глава книги переведена С. П. Баньковской и опубликована: Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города // Логос. 2002. №34. www.ruthenia.ru/logos/number/34/14.pdf. Цитаты из первой главы даются по русскому переводу.

Кроме того, в новом урбанизме наблюдается выраженный “пространственный поворот”, внимание к городскому пространству, его устройству, созданию и реконструкции.

Оригинальный подход, который предлагают авторы, направлен на рассмотрение повседневности городского существования, его *обыденности*, того, как эта обыденность существует во множестве контекстов и, с одной стороны, ограничивается и задается ими, а с другой – содержит в себе бесконечное число возможностей выйти за рамки таких ограничений. В этом серьезное отличие предлагаемого подхода от многих современных работ по новому урбанизму, таких как работы Э. Сохи, М. Кас-теляса, С. Сассен [Saskia Sassen], М. Дира [Michael Dear] и др. Этот подход находится в русле исследований повседневности (А. Лефевр, М. де Серто [Michel de Certeau], В. Беньямин), которые совмещаются с современными сетевыми подходами – в особенности с теорией актор-сетей (Б. Латур [Bruno Latour]) и социологией социальной мобильности (Дж. Урри [John Urry]).

Книга состоит из шести глав. Первая глава – “Внятность повседневного города” [The Legibility of the Everyday City] – посвящена рассмотрению общего подхода к теме. Амин и Трифт отталкиваются от трех направлений исследования и понимания городской повседневности, которые представляются в виде “метафор”: *фланерства* (В. Беньямин), *ритм-анализа* (А. Лефевр), *отпечатка города* (Д. Мэсси [Doreen Massey] и др.). Авторы не удовлетворяются этими подходами, справедливо указывая на то, что они 1) представляют городское пространство как пространство безграничной свободы, не уделяя должного внимания ограничениям, структурам, институтам; 2) ориентируются на гуманизм, то есть на центральность че-

ловека, и не уделяют внимание не-человеческим сущностям – объектам, технологиям, органической жизни; 3) рассматривают город в его пространственной и временной ограниченности, не учитывая включенности его в сложнейшие сети связей глобального и локального (26–27)³.

Элементарная *онтология* города, как ее видят Амин и Трифт, в качестве базовой составляющей социальной реальности предполагает “*столкновение*” (encounter), сосуществование материальных и нематериальных, условно человеческих (human) – и не-человеческих (non-human – машины, дома, животные) объектов. Как указывают авторы, в городе на наиболее базовом

уровне существует “просто жизнь”, в рассмотрении которой они предлагают двигаться по трем направлениям. Город есть *экологическая среда*, состоящая из множества видов; процессы в городе организуются вокруг практики *биополитики* (термин восходит к работам М. Фуко), определяемой как “практика формирования тела и ощущений (жизни вообще), имеющая целью производство управляемых субъектов” (28); *ощущения* являются ключевым элементом жизни в городской среде. Собственно столкновения происходят от флюидных

пересечений множества “сетей” участия агентов (в широком смысле слова). Сеть также понимается в широком смысле слова, и подчеркивается ее динамичность: сети “всегда наталкиваются на другие сети, соприкасаются с ними, борются, кооперируют, паразитируют, игнорируют – вариации могут быть бесконечными” (30).

Вторая глава – “Близость и поток в городе” [Propinquity and Flow in the City] – посвящена ключевому вопросу о *сообществе* (community) в современном городе. Авторы излагают классический подход к сообществу в городе, утверждающий, что наступление эпохи *модерна* раз-

Новый урбанизм характеризуется вниманием к городам как к сложным, обладающим различными формами и наполненным различным содержанием сущностям, которые включены в многочисленные сети взаимосвязей и включают в себя такие сети

³ Цифры в скобках означают страницы англоязычного издания.

рушает “аутентичный город, который внутренне скрепляется взаимодействиями лицом-к-лицу” (32). Вслед за Зиммелем и Беньямином они выделяют *четыре “удара”*, которые наносит эпоха модерна по аутентичному городу: всеобщее распространение денег, придающее всему калкулируемость, привносящее безразличие и разрушение личностных связей; овеществление, которое превращает культурные человеческие феномены в вещи; ускорение ритма жизни; распространение средств массовой информации. В пределе вместе с физической и “информационной” дистанцией “человеческая” близость вообще исчезает как таковая.

Однако, по мнению Амина и Трифта, эти процессы на самом деле не столь однозначны. Авторы указывают, что сообщество в современном мире не отмирает как категория: существует множество видов сообществ, которые изменяются и живут. Они указывают на *пять типов современных городских сообществ*. Это сообщества, спланированные через технологии управления (автомобилисты, жильцы района).

Постсоциальные сообщества, в формировании которых участвуют не-человеческие технологии (например, технологические объекты, такие как компьютеры). Новые формы человеческой социальности, охватывающие изменившиеся реципрокности, цели, связи (это сообщества “легкой социальности”, на короткое время создающиеся вокруг некоей цели; сообщества по конкретным интересам – например, владельцы собак; дружеские сообщества; этнические диаспоры). Повседневная жизнь как таковая, если ее понимать как форму сообщества, объединяющего людей в их обыденном существовании. Формы дистанцированной симпатии, которые способны производить особые сообщества (Amin and Thrift 2002: 41-48).

В третьей главе – “Города в дистанцированном хозяйстве” [Cities in a Distanciated Economy] – Амин и Трифт обсуждают современную *глобализованную хозяйственную систему* и приходят к выводу, что понимание города как ограниченного локуса хозяйственной жизни, который бы содержал эту жизнь в самом себе независимо от глобальных сетей, неадекватно, так же, как неадекватно и представление, что города как таковые не играют специфической роли в функционировании глобального хозяйства. Авторы рассматривают историю понимания роли города в мировом хозяйстве, начиная с 1950-х годов, и выделяют два основных современных понимания. Это роль городов как *локусов конкурентного производства* в мировом масштабе (конкуренция основывается в первую очередь на том, что городское хозяйство характеризуется пространственной близостью элементов производственного процесса и эффектом отдачи от масштаба) и роль городов как *локусов постиндустриальной экономики знания* (города обладают тем необходимым культурным ресурсом, который позволяет такой экономике существовать и развиваться).

Обе эти концептуализации хозяйственной роли города видятся Амину и Трифту недостаточными, и авторы обращаются к рассмотрению города как *площадки (site) в хозяйственной системе*. Такие “площадки в растянутых в пространстве хозяйственных отношениях” (63) являются пространственными локализациями пересечений частей сетей производства, производства и потребления. В частности, они играют эту роль в отношении транснациональных корпораций, отраслей “креативной” промышленности (например рекламы) и электронного делового пространства виртуальных сетей.

Во всех этих случаях, полагают Амин и Трифт, городское пространство является местом *соединения*

нения глобального и “виртуального”, локального и “реального”, то есть сами по себе локальные или глобальные феномены существовать не могут, но объединяются они именно в городе. Кроме того, города являются местами, в которых сосредоточено потребление и в которых оно ежедневно осуществляется на повседневном уровне. Наконец, города являются комплексами, обеспечивающими бизнесу *поддержку* в виде “легких институтов”, которые создают контекст функционирования бизнеса и без которых такое функционирование сегодня невозможно. Амин и Трифт выделяют, в частности, три вида таких легких институтов: это сопровождающие бизнес услуги (юристов, транспортных, финансовых агентств); места для встреч разной степени формальности; институты, обеспечивающие соединение и столкновение разных пластов и видов знания – от формального, академического и кодифицированного до наиболее неформального.

Таким образом, города сами по себе не являются агентами экономической системы: они являются локусом, где глобальная хозяйственная система реализуется в пространстве и где хозяйственные агенты сталкиваются и взаимодействуют между собой.

В четвертой и пятой главах Амин и Трифт предлагают свои пути для конструирования новых способов высказываний о городе – нового понятийного корпуса.

В главе 4 – “Машинный город” [The Machinic City] – авторы рассматривают город как – в значительной мере – как *машину*: люди живут и взаимодействуют в среде, включающей не-человеческие (non-human) феномены, которые обладают агентскими свойствами (agency). Это и инструменты, и технологические артефакты, и системы хозяйственных процессов, и многое другое. Машины и техника социальны.

Амин и Трифт обращают внимание на то, что города по своей сути являются мощными средствами “*инженерии*” столкновений (engineering of encounter): они влияют на паттерны циркуляции, мобильности, потоков людей, машин, вещей. Далее, города являются своего рода “силовыми полями”, в которых *пересекается действие* множества агентов – действие, вызывающее

страсть (passions). Источники последней, по мнению Амина и Трифта, организуются в три основные категории: это человеческое *тело*, которое не сводится к сознанию, но само по себе обладает агентскими характеристиками, с сознанием связанными, но ему не тождественными; это *объекты*; и это *биологическая сфера*, включающая все не-человеческое множество организмов, с которыми человек сосуществует в городе. Однако нестабильность и неопределенность города ограничивается сложными формами *инженерии определенности* (engineering of certainty), которые задают рамки для свободы столкновений, некоторые возможности и ограничения. В городе действуют процессы *менеджмента* времени (часы, дневники), информации (почта, массмедиа), мобильности и потоков.

В пятой главе – “Властные города” [Powerful Cities] – авторами рассматриваются множественные силы и группы, которые осуществляют *власть*. Эту власть можно определить как действующую по ряду направлений, для чего Амин и Трифт обращаются к понятию “*диаграммы власти*” (diagrams of power) у М. Фуко и Ж. Делеза. Самые важные из них – диаграммы бюрократии, производства, ощущений и чувств, воображения. Эти диаграммы власти являются направлениями осуществления власти, *стремлением* (но не жестким алгоритмом) к выстраиванию мира в определенном ключе. Они претендуют на *тотальность*, всеохватность социальной реальности, проникновение во все ее клетки. Однако, как пишут Амин и Трифт, “формы управленчества (governmentality) могут быть тотализирующими проектами, но они не являются тотализациями. Таким образом, городское население может избежать некоторых их намерений и притязаний и найти новые углы отказа от них” (108).

К таким *попыткам бегства* (escape attempts) Амин и Трифт относят, в частности, специфическую ночную жизнь города, которая обладает своими режимами власти; специфические режимы чувств, которые характерны или нехарактерны для диаграмм власти и с которыми эти диаграммы, соответственно, могут или не могут работать (например, до недавнего времени основное внимание власти уделялось визуальному

порядку, тогда как аудиальный, звуковой порядок практически игнорировался); пространства имажинации, воображения, где городские существования ускользают от контроля и ограничения. Пространства же бегства, в свою очередь, могут быть "колонизированы" и поставлены под особые условия, например, экономическими институтами капитализма.

Здесь, как и вообще в подходе Амина и Трифта, речь идет о сложной флюидной динамике *сетей и агентов*. "Сети контроля, чьи пути пролегают через города, с необходимостью олигоптические, а не паноптические:

они не совмещаются воедино [в общую тотальную систему власти и насилия]" (128).

Во-первых, они не достигают всех уголков пространств и времен, а сами эти пространства и времена постоянно переустраиваются. Во-вторых, практически все сети власти на самом деле подвижны, изменчивы, сами по себе подвергаются разрушению, ремонту и уничтожению. В-третьих, сами сети власти содержат внутренние возможности к импровизации и инновации. В-четвертых, управляющие системы, чтобы выживать, вынуждены опираться на инновативные творческие способности агентов и зависеть от них. Наконец, если охарактеризовать предыдущие четыре характеристики в несколько иной форме, "городские сети сложны: они взаимодействуют и влияют друг на друга непредсказуемым образом, что производит эмерджентные формы социальной организации, не поддающиеся предвидению" (129).

Шестая глава – "Демократический город" [The Democratic City] – посвящена обсуждению городов и городской среды в перспективе современной *демократии и прав человека*. Амин и Трифт отрицают, что современный город соответствует распространенным идеям современно-

вого города как антисоциального, антидемократического явления, и говорят о том, что в современных городах демократия приобретает новые смыслы и пространства реализации. Они обсуждают усилия американских интеллектуалов и политических деятелей рубежа XIX–XX веков по созданию специфически городских демократических механизмов, в частности расширенных систем общественного образования, возрождению пространств агоры, то есть публичной коммуникации, и других.

Далее Амин и Трифт переходят к рассмотрению современного понимания демократических городских процессов и выделяют три основных *видения городской демократии*. Это представление, что город содержит пространства публичной сферы; представление, что современные города являются основой для коммуникации, достижения компромисса и консенсуса между заинтересованными сторонами; представление о городе как о пространстве радикальной демократии прямого коллективного действия (подчеркивается составляющая честной, открытой

борьбы и противостояния).

Для Амина и Трифта эти подходы выглядят не совсем адекватными и полными, поэтому они предлагают свое видение городской демократии, исходящее из работ, в частности, А. Лефевра. Авторы полагают, что фундаментальным правом, о котором идет речь, является *право на город* (right to the city) и на доступ ко всем тем ресурсам и благам, которые городская среда предоставляет своим жителям. Основным фокусом здесь являются такие понятия, как предоставляемые городской средой возможности (capabilities), в первую очередь – образования и обуче-

ния, и перспективы социализации (socialization), которые открываются перед городским жителем в области свободной публичной коммуникации, свободного и неформализованного политического взаимодействия и диалога, гражданской ответственности и обязанностей. Для Амина и Трифта города являются не создающими некую специфическую *форму* демократии и гражданского общества, но скорее локу-

изложенное в первой главе, они развивают в пяти последующих главах на материалах различных областей городской жизни.

Сама книга позиционируется как *проект*, первая постановка проблем, и можно сказать, что эта постановка действительно новаторская и заслуживает внимания и использования. В силу этого объем книги достаточно невелик, и рассматриваемые схемы излагаются в порядке постановки проблем, без детального обоснования эмпирическим материалом. Однако следует отметить ряд недостатков, которые присущи этой книге.

Во-первых, в ней наблюдается определенная *несвязанность* между отдельными темами, в первую очередь на уровне словаря. Введенная в первой главе схема имплицитно прочитывается за построениями авторов на протяжении всей книги, но прямой связи между темами и общей элементарной онтологией авторы не устанавливают и не выводят на уровне применения схемы к теме. В результате требуются известные усилия для того, чтобы вывести общую рамку подхода и увязать конкретные суждения с этой рамкой. Вероятно, здесь могло бы помочь более четкое прописывание терминологии столкновения и более строгое и последовательное применение этой терминологии в ходе рассуждений.

Во-вторых, предложенная схема и ее обсуждение в том виде, в котором оно имеется в тексте, еще требует дальнейшей проработки для применения схемы к действительному *"полевому"* исследованию городской среды. Это опять-таки является чертой проблемно-проектного характера книги, но в то же время ограничивает ее доступность для широкого круга исследователей и студентов.

В-третьих, присутствующее в книге *обсуждение современной теории городской жизни* и круг авторов, на работы которых опираются Амин и Трифт, в известной мере смещены в *философскую и культурологическую сторону*. Многие авторы, работающие в социологическом ключе, такие как М. Кастельс, и школы исследований, например лос-анджелесская школа социологии города (Э. Соха, М. Дир, М. Дэвис и др.), упоминаются во введении, однако дальнейшего обращения к их работам не происходит. Особен-

Оригинальный подход, который предлагают Амин и Трифт, направлен на рассмотрение повседневности городского существования, его обыденности, того, как эта обыденность существует во множестве контекстов и, с одной стороны, ограничивается и задается ими, а с другой – содержит в себе бесконечное число возможностей выйти за рамки таких ограничений

сом, местом повседневной *практики* демократии. Авторы полагают, что ключевым образом современной городской демократии является мобильность, то есть основным ресурсом для демократии в городе является обеспечение сосуществования различий (differences), различных групп и феноменов, которое постоянно реконфигурируется и перестраивается в ходе городской жизни, обеспечивая всем ее участникам возможность свободного самовыражения.

Резюмируя, Амин и Трифт предлагают подход, который обращен к повседневному существованию человека здесь-и-сейчас, на уровне живой реальности и живого бытия – столкновения, и предоставляет возможности для описания того, как эта жизнь проходит и каковы возможности и ограничения, которые существуют по отношению к ней в повседневной среде. Авторы отказываются от представления о зафиксированном определении города и от понимания городского как чего-то ограниченного и четко делимого от негородского (а многие классические работы по социологии города с этого и начинались). Это базовое представление о городе,

но характерна в этом отношении, как нам видится, недостаточная опора Амина и Трифта в ходе обсуждения роли городов в мировой хозяйственной системе на исследования глобальных и мировых городов, в первую очередь на работы С. Сассен, задавшие в этом отношении самостоятельную политико-экономическую ветвь социологии города. Одним из продуктивных направлений дальнейших исследований, в том числе и развивающих концепцию Амина и Трифта, является более строгая увязка изучения городского хозяйства и повседневного бытия человека, для которого это хозяйство составляет один из контекстов, рамок.

В-четвертых, следует отметить известный разрыв между шестой и остальными главами книги. Представленное авторами обсуждение демократического города, как нам кажется, проводится в несколько проективном и нормативном ключе и в недостаточной мере включает широкое понимание политического, властного и взаимодействия политического и властного. В особенности это проявляется в наблюдающемся разрыве между обсуждением власти в городской среде, которое Амин и Трифт проводят в пятой главе, и их рассуждениями о демократическом проекте городской жизни в главе шестой. Здесь следует отметить, что это обсуждение могло бы, по нашему мнению, много выиграть от рассмотрения современных социальных движений в самом широком смысле слова, например, анти- и альтерглобалистских, экологических, религиозных, пространственным локусом действия которых чаще всего становится именно городская среда⁴.

Наконец, хотелось бы отметить, что в работе Амина и Трифта практически не затрагиваются вопросы этнических, религиозных, расовых взаимодействий, составляющие значительную часть корпуса работ как классической, так и новейшей теории и исследований городской жизни, а также очень косвенно рассматриваются культурные феномены современного города.

Несмотря на эти недостатки, книга Амина и Трифта является важным вкладом в развитие

современных городских исследований, а проект, который они предлагают, заслуживает внимания и развития. В особенности это касается современной России, где существует специфическая конфигурация глобального, регионального и локального в аспекте городской среды. Например, статус Москвы как современного мирового города и ключевого если не глобального, то регионального центра, уже давно очевиден (по современной численности населения Москва буквально за два десятилетия вышла на достойное место в двадцатке самых населенных городов мира). Однако конкретных исследований того, через какие трансформации российские города – и не только Москва, но и многие другие, от Петербурга до Владивостока, – проходят в ходе их резчайшего включения в сети локальных, региональных и глобальных экономических, полити-

Для Амина и Трифта города являются не создающими некую специфическую форму демократии и гражданского общества, но скорее локусом повседневной практики демократии. По их мнению, основным ресурсом для демократии в городе является обеспечение сосуществования различных групп и феноменов, которое постоянно реконфигурируется и перестраивается в ходе городской жизни, обеспечивая всем ее участникам возможность свободного самовыражения

ческих, культурных, миграционных потоков после развала СССР, крайне мало. Интереснейший вопрос здесь – это то, как трансформируется городская повседневность в этом специфическом социокультурном контексте. Вероятно, обсуждаемая книга Амина и Трифта могла бы много внести в дальнейшие российские исследования городской жизни. ■

⁴ Из уже упомянутых авторов это, например, подробно рассматривает в работе "Сила идентичности" (второй том трилогии "Информационная эпоха") М. Кастельс; в последних своих работах к тем же проблемам в контексте глобальных городов обращается С. Сассен.